

В. Горячкин

*У подножия
Большого Хингана*

Книга первая
ПРАПРАДЕДЫ И ДЕДЫ

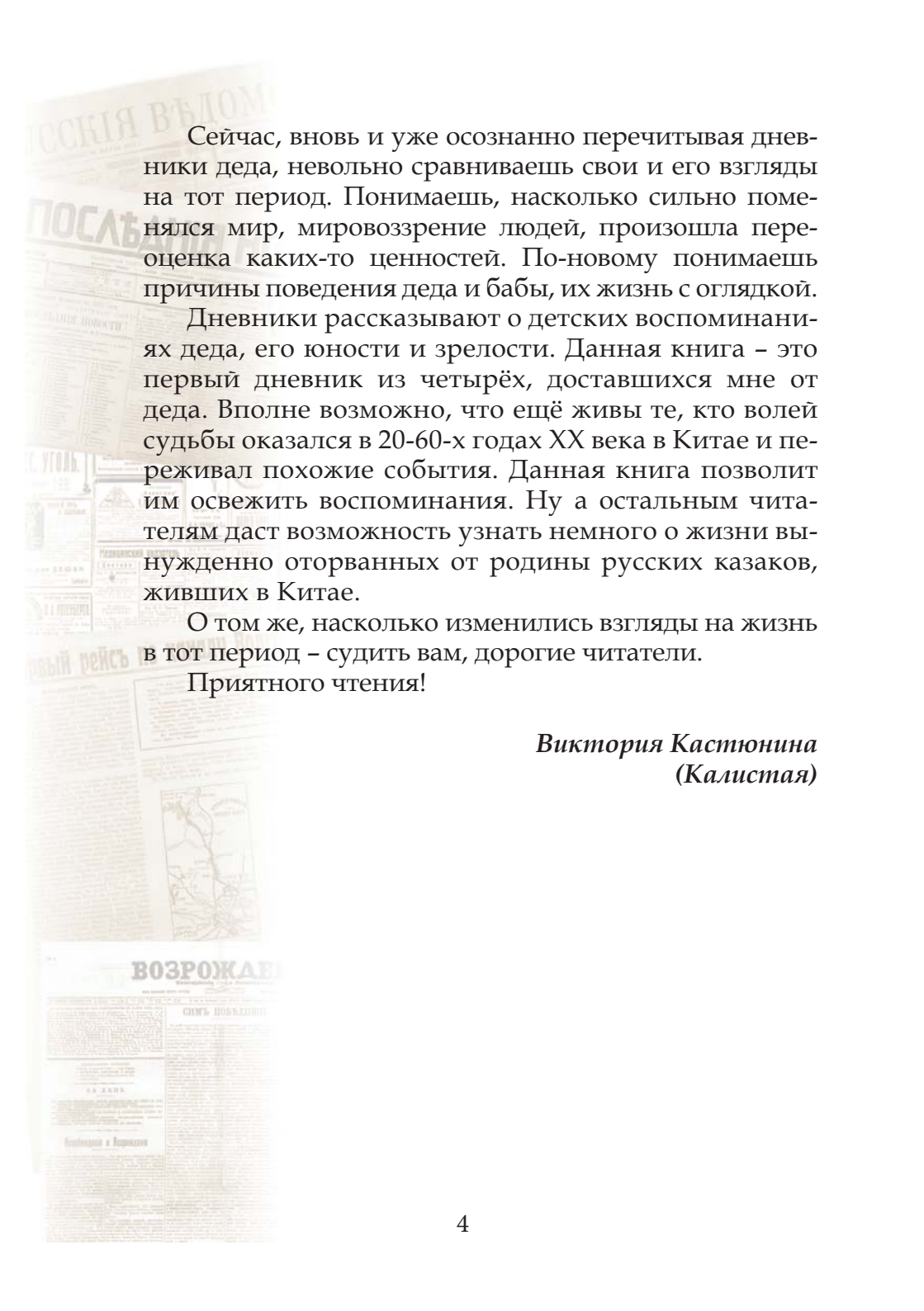

Благовещенск
2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

О том, что моя мама родилась в Китае, я узнала случайно, лишь где-то в пятнадцать лет. В восьмидесятые годы о таких вещах не принято было говорить, афиширование связей с «зарубежными родственниками» не поощрялись, да и само рождение «за границей» было чем-то странным. При этом я всегда знала, что мой дед прекрасно говорит и пишет на китайском и японском языках. У него был небольшого размера толстенный словарь на китайском, и иногда он объяснял нам, внукам, те или иные иероглифы; переводил, что говорят радиоведущие на случайно пойманной приёмником китайской радиостанции; показывал как играть в кости и китайские шахматы сянци. Откуда он всё это знал и почему ничего не рассказывал? В детстве об этом не задумываешься, ведь впереди вся жизнь и кажется, что всё ещё сможешь успеть.

Уже после смерти деда бабушка отдала мне дневники, что он вёл. Они рассказывали о его жизни, впечатлениях, первой любви, о возвращении на родину в СССР, о моём рождении. Одним из его друзей был Георгий Георгиевич Пермяков (личный переводчик последнего китайского императора династии Цин Пу И), с которым он познакомился ещё в Китае. Он был знаком с дневниками деда и даже предлагал ему помочь с публикацией, но смерть деда, а потом и развал СССР не позволили сразу это сделать.

Сейчас, вновь и уже осознанно перечитывая дневники деда, невольно сравниваешь свои и его взгляды на тот период. Понимаешь, насколько сильно поменялся мир, мировоззрение людей, произошла переоценка каких-то ценностей. По-новому понимаешь причины поведения деда и бабы, их жизнь с оглядкой.

Дневники рассказывают о детских воспоминаниях деда, его юности и зрелости. Данная книга – это первый дневник из четырёх, доставшихся мне от деда. Вполне возможно, что ещё живы те, кто волею судьбы оказался в 20-60-х годах XX века в Китае и переживал похожие события. Данная книга позволит им освежить воспоминания. Ну а остальным читателям даст возможность узнать немного о жизни вынужденно оторванных от родины русских казаков, живших в Китае.

О том же, насколько изменились взгляды на жизнь в тот период – судить вам, дорогие читатели.

Приятного чтения!

*Виктория Кастюнина
(Калистая)*

*Начал писать 20 декабря 1975 г.
Посвящаю детям и внукам,
о прошлой жизни их отца и матери
и деда с бабой.*

По всем историческим данным и из рассказов стариков, а также первых поселенцев село Кедрово Вяземского района заселялось где-то в середине XIX столетия, точнее – в 60–70-х годах.

Расположено оно к югу от Хабаровска, по Транссибирской железной дороге и автомагистрали Хабаровск-Владивосток. Если ехать поездом, то нужно сойти на станции Котиково и где-то десять километров автобусом ехать до Кедрово.

Город Вяземск считался раньше уездом и получил свое название в честь русского инженера Вяземского – руководителя по сооружению Уссурийской железной дороги.

До заселения русскими эти земли были ничейные.

И вот забайкальские казаки первыми основали здесь опорные поселения – станицы. К их числу относились Венюково, Кедрово, Булдаково (ныне Забайкальское), Кукелево, Лончаково и другие.

По первому заселению село Кедрово оказалось на затопляемой пойме, и пришлось переселиться ниже по Уссури километров на семь, на самом берегу реки.

Вот в те годы и поселилась там семья Горячкиных, пришедшая из Забайкалья. Первыми из Горячкиных были дед Иван и его брат Павел...

Это были физические сильные, выносливые, ко всему привыкшие, видевшие всякие невзгоды люди, и, по-видимому, не от хорошей жизни рискнули они проделать в те времена свой нелёгкий путь, начиная с берегов Шилки и пройдя до верховий реки Уссури.

Сплав переселенцев по р. Амур

До устья Уссури сплавлялись паромами из леса или большими лодками (халками). По р. Уссури нужно было идти против течения.

Халки цепляли верёвкой за нос лодки или мачтовницы, и несколько мужиков, а иногда и баб-казачек, засучив гачи штанов или заткнув длинные юбки за пояс, тянули суда, гружёные скарбом и запасами продуктов, а иногда малыми детьми, стариками или больными. Словом, теми – кто не мог передвигаться самостоятельно.

Берега были измыты тальником, забиты наносником. Иногда на пути появлялась протока – широкая и глубокая, часто приходилось переплываться с левого берега на правый или наоборот, в зависимости от того, по которому удобнее тянуть бечеву или где удобнее основать табор для ночёвки, а может, и подневать, половить рыбы, убить дикого мяса: козу, кабана, чего здесь в те времена было в изобилии. То там, то здесь пролетали стаи уток, гусей или фазанов. Питаться было чем, одно плохо, что не было оружия. У деда была старая берданка. У некоторых «набивнушки» – дробовые ружья и даже была «кремнёвка». Добывали

дичь кто как мог. Рыбу поймать не составляло трудностей, можно было даже руками. Рыба была всякая. Попадались даже такая, которую не знали как называется. Потому как в реках Забайкалья такая не водилась.

По дороге попадались орочены, гольды – местные жители, обитавшие здесь. Они жили в балаганах, искусно покрытых соломой или пыреем в рост человека. В верхней части отверстие в виде люка – для дыма, посередине поддерживался очаг, а кругом костра находились охотники с их семьями. Одежда состояла целиком из шкур диких животных и из кожи кеты (красной рыбы). Нитками служили сухожилия и жилы, специально обработанные и свитые в нити, очень крепкие и тонкие. Женщины-ороченки очень искусно шили и вышивали одежду и обувь (олочи) и т.д. Работа мелкая, с разными рисунками и орнаментом, придуманым самими вышивальщицами.

Гольдская деревня, конец XIX в.

Оружия у местных жителей было мало, в основном, луки и стрелы с каменными и бронзовыми наконечниками. Копья на длинном шесте с поперечиной

у острия, с копьём ходили на медведя и кабана, у многих были «кремнёвки» и берданки.

Попадались и юрты, покрытые шкурами. Словом, первобытный образ жизни. Командовал семьёй или родом один из старейшин. Помогал ему кто-нибудь из самых достойных смелых охотников, умеющий ходить на медведя один на один и, конечно, меткий стрелок, который мог попасть с первой пули в глаз белке.

Встречались шаманы, которые держали власть и своей верой убеждали, что от их силы зависит судьба охотника. Они брали дань якобы за спасение от болезней, за то, что отгоняли злых духов, за избавление от несчастий и бедствий, для хорошей охоты. Конечно, шаманы жили гораздо зажиточнее, чем рядовые охотники.

По левому берегу Уссури очень редко, но попадались фанзы, землянки, балаганы китайцев – рыбаков, промысловиков пушнины, птицы и т.д.

Они же сеяли мак и изготавливали опиум, курили сами, а также меняли ороченам и гольдам на мясо и пушнину, ну и, конечно, поставляли в глубь своей страны, т.к. в Китае процветало опиумокурение.

Опиумщика китайца или орочена легко определить по внешнему виду: это страшно жёлтые, опухшие лица, весёлые после курения и тусклые, когда долго нет курева. И если он не мог достать, то мог быть смертельный исход. Такие закоренелые опиумщики долго не жили, их срок 30-40 лет.

Судоходства в те времена не было вообще, попадались только лодки, юли-юли – китайцев да оморочки – орочен.

Край был дикий, необжитый, с множеством зверья: тигра, медведя, кабана, косули, а также всякой птицы.

Комар и мошка, слепень и паут не давали покоя ни днём, ни ночью. Это был кошмар, спастись можно было только обильным дымом из верёвок, сплетённых

из полыни и высушенных на солнце. Потом одевалось кольцо верёвки – полыни на голову, торчал конец, который поджигался и от него исходил едкий дым, чего боялся комар и весь гнус, даже клопы.

Границы по реке не охранялись, и кочевникам-переселенцам нечего особенно было опасаться, разве что китайских хунхузов, которые кое-когда нападали, грабили и уходили, но при переселении таких случаев не наблюдалось.

Сколько дней или недель шли первопроходцы, точно никто не помнит, но в день проходили не более 20-30 вёрст (верста – около 1000 м), переход не из лёгких.

Всё казалось дико, но люди шли, шли и шли, неведомо куда, и что их ждало впереди – путём никто не знал, но по всему увиденному, можно было определить, что край богатый, и надежда на жизнь не терялась в сердцах людей. Шли каждый со своими мыслями: кто искал хорошей жизни, кто уходил от царского произвола, кто с целью наживы и выгодной торговли, кого и постигали неудачи, болезнь, смерть, несчастные случаи и т.д.

Шли семьями, сообща шли посёловичники, земляки и случайные люди, подружившие дорогой и впоследствии ставшие родными, дожившие до наших времён. С семьёй Горячкиных шли Толстоноговы, Корневы, Ташлыковы, Патрины, Щебенковы...

Казаки держались со своими станичниками, люди из других концов держались с земляками из своих родных, покинутых мест. Были из Сибири, Урала и с европейской части России. Но всех интересовало одно – дальневосточный край – край дикий и необжитый, таёжный и богатый промыслом.

По прибытии, облюбовали одно место, построились, но вода при половодье топила деревню, поэтому пришлось переехать на другое место, о котором знали ранее, место высокое и большой воде не подвергалось.

Первое время жили кто в чём – в балаганах, искусно покрытых пыреем, кто жил в землянках или бараках, наскоро построенных из леса.

После люди обжились, завели себе добротные дома из кедра, осины, даже дубовые, которые стоят до сих пор.

Горячкины тоже построили добротный дом, обзавелись скотиной, лошадьми и птицей, раскорчевали большой огород, насадили диких груш, черёмухи, смородины. После к диким деревьям прививали садовые деревья. Хорошо плодоносили слива, ранетки, яблони, в огородах родилось всё, но трудно было достать семян и хороших плодовых кустов и деревьев.

Под посев ярицы, пшеницы, овса, гречихи земли корчевали. Это была самая сложная работа – тяжёлая, с десятины земли приходилось выкорчёвывать до ста и более деревьев с корнем, не считая кустарника. Всё это делалось вручную, после вытаскивали всё на межу, сжигали, готовили дрова или просто оставляли целые завалы. Земля родила неплохо, и поэтому народ скоро зажил. Податей и налогов казачьи поселения не платили, работал каждый за себя, и поэтому народ зажил неплохо. Зимой уходили на промысел, подлёдный лов, ловили кулёмками¹ хорька, добывали соболя, белку. В общем, всякого зверя, который водится в дальневосточной тайге.

Словом, кто хотел жить, не ленился, не ждал с моря погоды, все жили хорошо. Зимой отдыхали большей частью в праздники, а праздники длились по неделе: Новый год, Рождество Христово, Масленица, Пасха и т.д. Катались на конях – в санях и верхом. Пацаны обучали молодых жеребят. Собирали вечеринки, посиделки, тёрли картофель на крахмал, пряли, вязали, шили. Мужики собирались «майданничать», т.е. играть в карты или просто устраивали попойки,

¹ Кулёмка – ловушка давящего типа, применяемая в Сибири и на Дальнем Востоке на звериных промыслах.

особенно когда уходили через Уссури к китайцам в харчёвки пить ханьчону или спирт. После бабы их разыскивали и гнали домой отдохнуть или принуждали взяться за дело: возить дрова, сено.

У деда Василия Горячкина семья состояла из десяти человек, старшая была тётя Луша, за ней отец Федот, потом Миша, Наталья, Анастасия, Константин (его убила лошадь, лягнула в живот на пасеке, и он две версты шёл, держа в руках кишки, а дойдя до дома, умер). За Костей – Анна, Александр и последний – Леонид, да двое вроде умерли детьми.

*Бабушка Зинаида и дедушка Федот Горячкины,
родители Всеволода Горячкина*

Семья большая, поэтому работа находилась всем, прокормить такую семью стоило большого труда, но дед Василий с бабушкой Феодосией сумели вырастить всех детей. Образование в то время дать было сложно, но все кончали церковно-приходскую школу и писать, читать умели, притом неплохо.